

Нин Гуйчжу вылил приготовленную яично-крахмальную смесь на сковороду, ухватился за ручку и равномерно покачал её, и вот уже тонкий, красивый блин легко сошёл с огня. Когда всё тесто было пожарено, блеск жира, оставшийся на стенках сковороды после вытапливания сала, заметно поблёк. Нин Гуйчжу обжарил до мягкости дикорастущую зелень, затем всыпал мелко нарезанные шкварки и быстро всё перемешал.

Кукурузная каша на плите была готова. Сюн Цзиньчжоу потушил огонь, взял стопку испечённых Нин Гуйчжу тонких блинов и ещё раз уточнил:

— Нарезать соломкой?

Нин Гуйчжу кивнул:

— Да.

Сюн Цзиньчжоу отнёс блины к разделочной доске, сходил вымыл руки и только после этого аккуратно нарезал их тонкими полосками. Пока он занимался блинами, обжаренная зелень у Нин Гуйчжу тоже была готова.

Вытерев руки, Нин Гуйчжу подошёл к Сюн Цзиньчжоу, глянул на нарезку, взял соевую пасту и выложил две ложки прямо на соломку из блинов.

Когда все блины были нарезаны, он тщательно перемешал соломку с соевой пастой и подал блюдо на стол. Затем налил чашку кукурузной каши и поставил её перед Сюн Цзиньчжоу, заодно спросив:

— У нас дома есть каменная мельница? Или хотя бы каменный таз?

Сюн Цзиньчжоу, отпив каши, ответил:

— Нет. Позже схожу к каменщику купить. Тебе нужна мельница или таз?

— ...

Нин Гуйчжу замялся. Раньше он жил небогато, но такие вещи в доме всё же были, и сейчас вопрос цены заставил его поколебаться.

— Это дорого?

На этот раз замолчал уже Сюн Цзиньчжоу.

Место было маленькое, добытчиков камня поблизости не было, каменщику приходилось начинать работу буквально с заготовки камня, а при изготовлении жерновов камень нередко трескался и приходил в негодность. Себестоимость выходила немалой.

Он сказал иначе:

— Зато одна такая вещь служит десятки лет. Так что, в общем, не слишком дорого.

Услышав это, Нин Гуйчжу сразу всё понял. Он беспомощно взглянул на Сюн Цзиньчжоу и спросил:

— Примерно сколько? Я ещё подумаю.

— Если брать поменьше, — ответил Сюн Цзиньчжоу, — выйдет больше одного ляна.

Это и правда было недёшево. Нин Гуйчжу задумался, заметил, что Сюн Цзиньчжоу всё это время пьёт одну кашу, и переложил немного соломки из блинов в его чашку:

— Ешь больше, тебе же потом ещё бамбук рубить.

— А... — отозвался Сюн Цзиньчжоу и отправил палочками соломку в рот.

Блинная соломка была упругой, с яичным ароматом и добавкой муки - сытное блюдо. Солёно-ароматная соевая паста делала вкус особенно насыщенным, так что даже грубая кукурузная каша казалась куда вкуснее. Сюн Цзиньчжоу сам не заметил, как начал есть быстрее.

Нин Гуйчжу попробовал обжаренные шкварки. Они были не слишком хрустящими, зато жирные и ароматные, хорошо шли с едой. Он пил грубоватую кукурузную кашу и всё ещё колебался, покупать ли каменный жернов. Больше одного ляна. На эти деньги можно было бы надолго запастись зерном. Но у каменных жерновов было много применений, да и служат они десятилетиями. В его прежнем доме каменные жернова купили ещё при жизни прадеда, и они исправно работали до самого его отъезда из горной деревни.

— Завтра сходи и купи, — наконец решился Нин Гуйчжу.

Еда была вкусной, внимание Сюн Цзиньчжоу уже полностью переключилось на неё. Услышав слова Нин Гуйчжу, он на мгновение замешкался и лишь затем неразборчиво пробормотал согласие.

После еды Сюн Цзиньчжоу взял немного золы и вымыл посуду. Нин Гуйчжу покормил собак, взял мотыгу и сказал:

— Пойду во двор, разобью грядку. Ты потом, как нарубишь бамбук, если будет время, сходи в передний дом, попроси семян. Про перец и чеснок тоже не забудь.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу убрал посуду, взял тесак и отправился в рощу рубить бамбук. Оба были заняты делом. Во дворе остались лишь две собаки - они резвились, присматривая за несколькими цыплятами и утятами в клетке.

Лю Цюхун остановилась у ворот и огляделась по сторонам, удивлённо спросив:

— А где все?

Она, окликая, вошла во двор. Лай двух собак привлёк её внимание, она посмотрела в ту сторону и, заметив плетёную клетку, подошла ближе, чтобы рассмотреть.

Нин Гуйчжу, услышав голос, вышел из заднего двора:

— Мама?

— А, я просто зашла посмотреть, — Лю Цюхун убрала руку. — Вы только начали жить вместе, а уже шкварки в дом носите. Как раз кстати: твой старший брат сегодня в реке двух рыб поймал, я одну принесла. Завтра приготовите, поедите.

— Там же целый кусок свиного сала был, — объяснил Нин Гуйчжу. — Шкварок получилось слишком много, мы всё равно не съедим, испортятся - жалко.

Он вынес две табуретки и зашёл в дом, чтобы принести воды. После покупок в доме стало больше утвари. Днём Нин Гуйчжу вскипятил целый котёл воды и оставил её остывать, разлив потом по керамическим кувшинам, так было удобно брать в любой момент.

Лю Цюхун не могла усидеть на месте: она поставила ведро с рыбой у стены и поднялась, чтобы осмотреться. То, что купили Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу, либо убрали в спальню, либо спустили в погреб. На виду больше всего изменений было на кухне. Хотя внешне она почти не отличалась от прежней, в глазах Лю Цюхун дом теперь выглядел куда более «живым», чем когда Сюн Цзиньчжоу жил один.

Взяв у Нин Гуйчжу чашку с водой и сделав глоток, Лю Цюхун сказала:

— Я раньше от твоей невестки слышала, да не особо верила. А сейчас сама увидела: правда, эту клетку ты сплёл очень хорошо. Ты ещё что-нибудь умеешь делать?

— Простые вещи из бамбука умею почти все, — ответил Нин Гуйчжу. — А что?

— Да ничего, ничего, — покачала головой Лю Цюхун. — Просто не ожидала, что ты, работая в богатом доме, ещё и таким научился.

Нин Гуйчжу на мгновение замялся, затем улыбнулся:

— Это всё в свободное время осваивал. Иногда плёл что-нибудь с узором - хозяевам нравилось.

Лю Цюхун не усомнилась ни на секунду и лишь с чувством сказала:

— Служить у людей работа непростая.

Поболтав ещё немного, Сюн Цзиньчжоу вернулся, неся за спиной бамбук. Увидев, что они вдвоём сидят под карнизом и разговаривают, он невзначай спросил:

— Мам, ты чего пришла?

— Рыбу вам принесла, да заодно заглянула, — ответила Лю Цюхун.

— А, — Сюн Цзиньчжоу опустил бамбук и спросил дальше: — Мам, где ты семена овощей положила? Я потом зайду заберу, Чжу-гер хочет побыстрее всё посадить.

— Уже сейчас сажать собираетесь? — удивилась Лю Цюхун. — Сеять семенами долго, я вам лучше рассаду выкопаю. Чжу-гер, какие овощи сажать будете?

Нин Гуйчжу назвал несколько культур, которые уже росли на участке у семьи Сюн, а отдельно упомянул перец и чеснок. Лю Цюхун всё запомнила, хлопнула себя по коленям и встала, собираясь уходить.

Проводив её взглядом, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Тогда я пойду ветки бамбука свяжу и принесу.

— Хорошо, — кивнул Нин Гуйчжу, подхватывая мотыгу и возвращаясь в задний двор, чтобы продолжить готовить грядки.

Лю Цюхун работала быстро: вскоре она вернулась с рассадой, о которой просил Нин Гуйчжу. На этот раз его не оказалось во дворе, и она сразу прошла в задний.

Грядки уже были один раз вскопаны, вокруг валялись выдранные сорняки, а Нин Гуйчжу как раз рыхлил землю. Лю Цюхун поставила рассаду у стены, зашла на грядку и принялась выбирать мелкие сорняки, приговаривая:

— Земля тут не очень плодородная, вам с Цзиньчжоу потом придётся хорошенько за ней ухаживать.

Нин Гуйчжу только теперь заметил её, обернулся и ответил:

— Я знаю. За пару лет почва станет лучше, сейчас всё равно сразу не получится.

Услышав, что он всё понимает, Лю Цюхун удовлетворённо кивнула.

Из переднего двора то и дело доносился звук падающих бамбуковых веток - Сюн Цзиньчжоу бегал туда-сюда без остановки. Нин Гуйчжу и Лю Цюхун вместе высадили всю рассаду, полили, чтобы она прижилась, и лишь закончив работу, подняли головы - солнце уже клонилось к закату.

Работа в поле - дело тяжёлое. Нин Гуйчжу размял затёкшие мышцы, зашёл на кухню, вынес две чашки остывшей кипячёной воды и выпил. Лю Цюхун немного передохнула и, дождавшись, пока Сюн Цзиньчжоу принесёт последнюю связку бамбуковых веток, поднялась и пошла домой.

День выдался хлопотный, устали все. Нин Гуйчжу выпил лекарство и, пока Сюн Цзиньчжоу замачивал ноги, набрал немного тёплой воды и в спальне обтёрся. В древние времена не было условий мыться каждый день, но и ложиться спать, пропахнув потом, тоже нельзя. Обтираясь, он заодно осмотрел колени. Травма от стояния на коленях оказалась серьёзной: помимо обширных синяков, в самом центре участок почернел, вид был по-настоящему пугающий.

Он поджал губы, опустил штанины, оделся, вылил воду и сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Ты потом тоже оботрись, запах пота на теле неприятный.

— Хорошо, — отозвался тот.

Когда с личной гигиеной было покончено и они вернулись в спальню, уже начало темнеть. При скудном освещении Нин Гуйчжу высыпал на постель оставшиеся после покупок деньги и стал пересчитывать. Сюн Цзиньчжоу сел рядом и тоже начал считать.

— Серебра осталось семь с половиной лян, — сказал Нин Гуйчжу, отложив серебро в сторону и принимаясь за медяки.

Когда последняя монета оказалась в руках, Сюн Цзиньчжоу добавил:

— У меня здесь всего двести двадцать семь вэней.

— А у меня сто тридцать восемь, — Нин Гуйчжу ещё раз прикинул расходы и подтвердил: — Всё сходится.

За день ушло четыре с половиной лян серебра. Нин Гуйчжу мысленно глубоко вдохнул, достал крупный слиток в пять лян и сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Этот убери. Эти два лян завтра пойдут на покупку жернова, а мелочь оставим на повседневные расходы.

Он намеренно не стал упоминать те два лян, которые заработал сам. Сюн Цзиньчжоу то ли забыл о них, то ли действительно не придавал значения, но сделал, как было сказано: убрал пять лян, а остальное спрятал в сундук, чтобы деньги всегда были под рукой.

Закончив пересчёт серебра, они заметили, что в комнате стало ещё темнее. Нин Гуйчжу, скрытый полумраком, смотрел на мужчину в слабом свете, потом спустя мгновение достал ещё два лян и протянул их:

- Цзиньчжоу, вот здесь ещё есть, тоже убери.

— А? — Сюн Цзиньчжоу удивлённо обернулся.

В мутном свете на бледной ладони, показавшейся из-за полога, лежали два потускневших серебряных слитка. Взгляд Сюн Цзиньчжоу задержался на этой руке, и лишь спустя некоторое время он произнёс:

- Ты не хочешь отложить их отдельно? Если положить туда же, потом всё перемешается. Нин Гуйчжу удивлённо приподнял брови, а Сюн Цзиньчжоу продолжил:

- Мама каждый год деньги, что зарабатывает на курах, держит у себя, у нас в семье все жёны и фуланы так делают.

Выходит, у них в роду у всех есть привычка держать записку.

Нин Гуйчжу всё-таки не сдержался и тихо рассмеялся, после чего сказал:

- Тогда всё равно сначала положи туда, а когда я сошью новый кошелёк, переложу в него.

— А, хорошо, — откликнулся Сюн Цзиньчжоу.

Он помедлил, слова, уже готовые сорваться с языка, развернул и проглотил обратно, затем шагнул вперёд, взял серебро и убрал его в сундук.

Нин Гуйчжу ещё немного улыбался, потом вспомнил про колени, выпрямился на постели, закатал штанину и осторожно попробовал их размять.

Неизвестно, то ли днём боль просто онемела, то ли ещё по какой причине, но за весь день суеты Нин Гуйчжу почти ничего не чувствовал. Сейчас же стоило чуть сильнее надавить, как боль пронзила так, что он невольно зашипел, втягивая воздух.

— Что случилось? — с недоумением спросил Сюн Цзиньчжоу.

— Раньше колени травмировал на коленопреклонении, синяки сильные, надо разогнать застой,
— объяснил Нин Гуйчжу.

Он ещё не успел договорить, как мужчина, уже севший было на край кровати, снова поднялся. Послышался шорох, затем звук открывающейся двери - Сюн Цзиньчжоу вышел наружу.

Нин Гуйчжу удивлённо повернул голову.

Минуты через три-четыре в темноте появился слабый огонёк.

<http://bllate.org/book/14958/1336602>